

Синодики в русской монастырской книжности XVI— XVII веков: специфика и функции

В статье рассматриваются синодики — разновидность монастырских книг, тип и назначение которых трудно определить однозначно. Прослеживается постепенное расширение их состава, появление новых редакций в зависимости от изменения их функций в монастырской книжной культуре.

Ключевые слова: книжная культура, библиотека, книга, монастырь, синодик, тип, функция.

Два последних десятилетия отмечены усиленным интересом отечественной науки к древнерусским книжным центрам и монастырским библиотекам [10—17; 21]. В поле зрения специалистов оказались различные аспекты монастырской книжной культуры: состав и структура библиотек, способы и динамика их формирования, проблемы доступа монашеской братии к книгам. Одним из актуальных направлений стало изучение келейного чтения в монастырях [4, с. 37—43].

Согласно Н.К. Никольскому, в монастырях существовало три типа книг: богослужебные, содержавшие уставные соборные чтения и келейные, читавшиеся монашествующей братией вне службы. Содержание монастырских библиотек регулировалось типиконом и ограничивалось библейскими книгами, сочинениями Отцов церкви и других восточнохристианских авторов, нравоучительными и другими сборниками [18]. Но среди монастырских книг были и такие, тип и функцию которых трудно определить однозначно. К ним относятся, например, синодики.

Происхождение синодика и его типология еще не вполне изучены. В древней Византии синодиками называли патриаршие послания по случаю занятия кафедры [8, с. 482]. Когда это понятие стало употребляться для обозначения церковной службы и связанных с ней поминальных записей, неизвестно. Сейчас словом «синодик» называются три различных памятника

**Людмила Борисовна
Сукина,**
заведующая кафедрой гуманитарных наук
Института программных систем
им. А.К. Айламазяна,
кандидат культурологии,
г. Переславль-Залесский

древнерусской книжности: Чин Православия или вселенский Синодик константинопольского патриарха Мефодия, читавшийся в храмах в первое воскресенье Великого поста; помянник для записи имен в целях церковного поминания; литературный сборник-предисловие, составленный из назидательных статей о пользе поминовений и о загробной жизни праведников и грешников [22, с. 339—344; 7, с. 246—270]. Нередко все три «синодика» объединялись в один кодекс, открывавшийся фрагментами Чина Православия и завершавшийся списком поминаемых.

В Древней Руси синодики-помянники появились очень рано, вероятно, еще в домонгольское время, а древнейший список русской редакции Чина Православия датируется концом XIV — началом XV века [20, с. III—IV]. Самой поздней, преимущественно русской по происхождению, частью синодичной триады является литературный сборник. Он возник в конце XV в., и его первоначальная редакция связывается с именем и литературно-публицистической деятельностью Иосифа Волоцкого [5, с. 63—76].

По мнению И.В. Дергачевой, именно синодик Иосифа Волоцкого, включая его последующие редакции, был особым типом книги, не имеющим прямых аналогий в книжности западного средневековья, и ставшим квинтэссенцией эсхатологических представлений древнерусских книжников [6, с. 146—149]. Не случайно составители синодичных предисловий именовали эти книги «спасенными и душеполезными», а отдельно существующие синодики — литературные сборники позднее стали именоваться «Лекарствами душевными».

Синодик бытовал в русской книжности до первых десятилетий XX века. Его состав постоянно расширялся. По нашим наблюдениям, появление новых редакций было связано с изменением функций синодика, в первую очередь, в монастырской книжной культуре.

Русский синодик конца XV в. был порождением монастырской книжности, полемическим и назидательным сборником. И.В. Дергачева, глубоко исследовавшая историю синодика — литературного сборника, считает, что первая редакция была составлена Иосифом Волоцким в 1479 г., в период борьбы с

*Чтение синодика в церкви.
Миниатюра синодика
Троицкого
Данилова
монастыря.
1672 г.*

ересью жидовствующих, идеологией нестяжательства и подготовки к последнему собору против еретиков 1504 г., а в промежутке между этими датами подверглась некоторому редактированию [6, с. 150—158]. Судя по содержанию ранних списков синодика Иосифа Волоцкого, в которых присутствовали церковно-учительные Слова о спасительной силе и необходимости поминовения усопших, о непрощаемом грехе еретичества и «Молитва о всех православных христианах» Кирилла Иерусалимского, известного своей борьбой с ересью Ария (в «авторизованном» переводе Нила Сорского), сборник соединял в себе литургическую, полемическую и назидательную функции.

Полемическое острие синодика было направлено не только против ереси антитринитариев, но и в защиту права монастырей на материальные богатства, так как их основным источником были вклады «на помин души». Примером другим православным христианам, видимо, должны

были служить поминальные записи главных благотворителей Иосифо-Волоколамского монастыря — «усопших в вере» князей Бориса Васильевича и Ивана Борисовича Волоцких, которым предшествовали дополнительные предисловия о пользе синодика и повседневного поминания [6, с. 150]. Вероятно, назидание оказалось действенным. В синодике Иосифо-Волоколамского монастыря 1526—1540-х гг. даже доски переплета и переплетные листы испещрены указаниями на вклады в обитель в виде денежных сумм, вещей и коней, сделанные верными православия жертвователями [10, с. 405—406].

Победа над «еретиками», достигнутая в начале XVI в., сделала полемическую функцию излишней. Но назидательная функция была востребована государством и церковью, постепенно создававшими систему «предписанного» православия. К середине XVI в. все более очевидной становится еще одна функция синодика — коммеморационная. Синодичная коммеморация (коллективная память) перестает быть частным поминанием церковных и монастырских благотворителей, она превращается во всеобщую коммеморацию всех усопших в православной вере.

В 1548 г. при митрополите Макарии вышел указ царя Ивана IV, который «...установил общую память творити благоверным царем и князем, и боярам, и христоробивому воинству, и священническому и иноческому чину, и всем православным христианом» [6, с. 159—160]. И.В. Дергачева обратила внимание на то, что, возможно, в развитие этого указа в синодике появилась особая статья вселенского родословия, которая в некоторых списках называется Вселенским Синодиком, как бы отсылая читателя к Чину Православия или Вселенскому Синодику патриарха Мефодия и подчеркивая древность этой традиции в православной церкви [6, с. 160].

Центрами коммеморации в средневековой Руси служили монастыри. Поминания, звучавшие из уст «земных праведников», казались современникам более действенными. Но монастырская коммеморация всегда сопровождалась щедрыми вкладами «на помин души», что вступало в противоречие с интересами государства, стремившегося ограничить рост материальных богатств монастырей.

Страшный суд. Миниатюра синодика переславского Никитского монастыря. Вторая половина XVII в.

Попытка изменить положение была предпринята на Стоглавом соборе 1551 года. В специальной, 75-й главе «Ответ о вотчинах и о куплях, которые боголюбцы давали святым церквам на память своим душам и по своим родителех в вечной поминок и в наследие благ вечных» позволялось по-прежнему давать вклады в монастыри «селами и куплями», но монастырям запрещалось «недвижимые вещи», «вданные богами в наследие вечных благ», отдавать или продавать [23, с. 252—353]. Все они должны были интенсивно использоваться в монастырском хозяйстве. Синодик утверждался в качестве обязательного элемента монастырской коммеморации. Монастыри обязывались выявить имена всех своих благотворителей, в том числе и давно умерших, записать их в синодики и «помянуть по церковному чину и

по божественному уставу», «доколе оже бог даст и монастырь стоит» [23, с. 252—353]. В это время в поминальных записях синодиков появляются приписки с указанием времени, размера и стоимости вклада. Однако подробная информация хозяйственно-экономического характера фиксировалась во вкладных и кормовых книгах, а в синодиках лишь дублировалась некоторая ее часть, имеющая отношение к установлению времени и количества поминаний того или иного вкладчика.

В рамках синодичной коммеморации в середине XVI в. проявляется еще одна специфическая и дополнительная функция — генеалогическая. Она имеет отношение не ко всем родам вкладчиков, занесенным в синодик, а только к роду великих князей и царей. И.В. Дергачева отмечает, что в ряде синодиков, включающих макарьевский указ о поминовении усопших, присутствует и текст, который она определяет, как похвальное Слово великим князьям русским [6, с. 161]. В поминальную часть синодиков в это же время стали включать и поминание великих князей, вслед за поминанием вселенских патриархов и русских митрополитов. С.М. Каштанов полагает, что идея помянника великих князей в рамках патриаршего синодика возникла в середине XVI в. в связи с намерением Ивана Грозного добиться официального соборного освящения царского титула и идеологическим оформлением порядка престолонаследия.

Составлению великокняжеского синодичного помянника непосредственно предшествовало создание так называемого «Государева родословца». Предполагается, что великокняжеский помянник вышел из разрядного приказа, а в редактировании его принял участие Посольский приказ [9, с. 46—47]. Эта функция синодика сохранит свою актуальность и в XVII в., при смене царствующей династии. В лицевых синодиках XVII в. будут появляться миниатюры с изображением родословного древа русских князей и царей [24, с. 357—359]

Ведущая роль коммеморационной функции синодика во второй половине XVI в. становится особенно очевидной во второй редакции текста синодичного предисловия, связанной с именем первого русского патриарха Иова, возведенного в сан в 1589 году. И.В. Дергачева полагает, что содержательная структура синодика только при нем приобрела вид развернутого учения о поминовении [6, с. 163]. В синодиках этой редакции наличествует общее поминовение усопших, включающее перечисление видов смерти и пять догматических текстов о необходимости и правилах церковного поминания. И.В. Дергачевой

удалось обнаружить в одном из списков этой редакции, составленных непосредственно в период патриаршества Иова, указание на то, с какой целью писался новый синодик: «И собрав в поминовение всех умерших, обще положихом им память, совокупя в един состав...» [6, с. 164].

Примечательно, что в синодике Иова поминается вся «вселенная», начиная от первого человека Адама и заканчивая последним человеком, имя которого будет внесено в помянник перед самым Концом Света, а все поминаемые сопоставляются с праведниками христианской веры, имена коих вписываются в минеи.

Синодики XVI в., вероятно, относились к числу богослужебных книг (литийные, читавшиеся семь раз в год, алтарные и вседневные) и находились в храме.

Расцвет синодика — литературного сборника приходится на вторую половину XVII века. В процессе реформирования русской церкви в царствование Алексея Михайловича были не только подтверждены

*«Зрю ты гробе...».
Миниатюра
синодика
сольбинского
Никольского
монастыря.
XVIII в.*

решения Стоглавого собора, касающиеся благочестия и коммеморации, но и установлены новые, расширенные нормы религиозного поведения православного человека [1, с. 481—482; 2, с. 28; 25, с. 1—2; 39—40]. В ходе реформ в очередной раз выявился низкий уровень богословского образования черного и белого духовенства, которое для проповедования истин православной веры, нравственности и благочестия среди мирян нуждалось в подборке учительных текстов с примерами посмертной судьбы «благонравных» и «злонравных». Для этой цели как нельзя лучше подходил синодик, чье предисловие изначально было связано с напоминанием о посмертной ответственности человека за свои поступки, необходимости церковного покаяния и религиозной благотворительности.

Ко второй половине XVII в. И.В. Дергачева относит возникновение третьей редакции синодика [6, с. 168]. Она была самой «литературной» и превращала синодик в сборник непостоянного состава, включавший в себя более 170 произведений.

В этот период синодик приобрел законченную форму многофункциональной позднесредневековой книги, которую Ф.И. Буслаев

и Е.В. Петухов относили к типу «народной» по аналогии с нравственно-учительными «народными» книгами европейского средневековья [3, с. 622; 20, с. 84—88]. Но так как мы не можем судить, насколько широко был распространен синодик-сборник в низовой социальной среде, более верным будет сравнить его со средневековой энциклопедией — «кругом знания» [19, с. 41]. В центре внимания составителей синодиков была малая эсхатология. Эта тема приобретает особую актуальность не только в связи с ориентацией светской и церковной власти на религиозное воспитание духовных лиц и мирян, но и с очередной предполагаемой датой Конца Света [26, с. 411].

Во многих синодиках второй половины XVII в. предисловие превалирует над помянником. К концу столетия появляются рукописи, в которых помянник отсутствует вовсе, т. е. они явно использовались для чтения, а не для церковного поминания. Коммеморационная функция в это время оказывается вторичной, а на первый план выходит функция назидательная, с ярко выраженным эсхатологическим оттенком.

Список источников

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. — СПб., 1842. — Т. 4. — С. 481—482.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. — СПб., 1836. — Т. 4. — С. 28.
3. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — СПб., 1861. — Т. I. — С. 622.
4. Грицевская И.М. История келейного чтения на Руси и индексы истинных книг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2009. — №. 6 (2). — С. 37—43.
5. Дергачева И.В. К литературной истории древнерусского синодика XV—XVII вв. // Литература Древней Руси. Источниковедение. — Л., 1988. — С. 63—76.
6. Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. — М., 2004. — 352 с.
7. Дергачева И.В. Типология синодиков в русской письменности 15—17 вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских книг. — М., 1990. — Вып. 3. — Ч. 2. — С. 246—270.
8. Карташев А.В. Вселенские соборы. — М., 1994. — С. 482.
9. Каштанов С.М. Царский синодик 50-х годов XVI в. // Историческая генеалогия. — Екатеринбург — Париж, 1993. — № 2. — С. 46—47.
10. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. — Л., 1991. — 486 с.
11. Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. — СПб., 2008. — 496 с.
12. Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. — СПб., 2004. — 493 с.
13. Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. — СПб., 2010. — 599 с.
14. Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. Разные аспекты исследования. — СПб., 1991. — 365 с.
15. Книжные центры Древней Руси: XVII в. Разные аспекты исследования. — СПб., 1994. — 409 с.
16. Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. — СПб., 2001. — 389 с.
17. Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера / М.В. Кукушкина. — Л., 1977. — 224 с.
18. Никольский Н.К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности / Н.К. Никольский. — СПб., 1902. — 32 с.
19. Орлов А.С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // Доклады АН СССР. — М., 1931. — № 3. — С. 35—47.
20. Петухов Е.В. Очерки из литературной истории Синодика / Е.В. Петухов. — СПб., 1895. — С. 84—88.
21. Поляков Л.В. Книжные центры Древней Руси / Л.В. Поляков. — Л., 1991. — 275 с.
22. Поньрко Н.В. Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1989. — Вып. 2. — Ч. 2. — С. 339—344.
23. Стоглав // Русское законодательство X—XX вв. — М., 1985. — Т. 2. — С. 352—353.
24. Сукина Л.Б. «Наглядная» генеалогия русских князей и царей в русской культуре XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: материалы XXI междунар. науч. конф. (Москва, 29—31 янв. 2009 г.). — М., 2009. — С. 327—330.
25. Уложение царя и великого государя Алексея Михайловича. — М., 1913. — С. 1—2; 39—40.
26. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры / А.Л. Юрганов. — М., 1998. — С. 411.

Иллюстративный материал предоставлен автором статьи.